

Хороший двор начинается с совета: как соучаствующее проектирование появляется в муниципальных округах Петербурга¹

Алина Дмитриева

Введение

С 60-х годов XX века о практиках вовлечения жителей не только в обсуждение, но и в сам процесс разработки решений местных вопросов стали говорить как о новой волне городского активизма или эксперименте в местном управлении. В эти годы в США объединения людей, получившие название *grassroots movement*, активно выступали за соблюдение и расширение гражданских прав, за поддержку низовых инициатив и самостоятельное управление вопросами локального уровня. Немного позже страны Латинской Америки с запуском неолиберальных реформ начали искать способ снизить не только уровень безработицы, но и дезинтеграции разных групп населения, способ сократить разрыв между этими группами и встроить их в одну структуру общественной жизни. Так в 1989 году в Бразилии появился партисипаторный бюджет – распределение доли городского бюджета на нужды,

1. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 22-00-032) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2022 г. (НУГ).

Автор выражает благодарность Дмитрию Аркатову – за помощь с регрессионным анализом и членам научно-учебной группы НИУ ВШЭ – за содействие в сборе базы данных.

Дмитриева Алина Евгеньевна, социальный исследователь, урбанист, специалист по вовлечению жителей в проекты пространственного развития; Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 123.
E-mail: ahdmitrieva@gmail.com

Автор анализирует причины появления практики соучаствующего проектирования на уровне муниципальных округов в Санкт-Петербурге. Сформулировав на основе опыта крупных российских городов пять случаев использования соучаствующего проектирования, автор сосредотачивается на последнем – на инициативе муниципальных советов применять практики вовлечения. Почему эта инициатива рождается, несмотря на сужающееся поле полномочий и урезающийся бюджет? Обзор существующей литературы позволил вывести гипотезы: на появление практик вовлечения в муниципальных округах может влиять средний возраст членов совета и ценности партий или общественных объединений, к которым они принадлежат. Была составлена база данных, содержащая сведения о 111 муниципальных советах в Санкт-Петербурге: количество депутатов в советах, попавших туда после выборов 2019 года, их партийная принадлежность, субъект выдвижения главы совета, средний возраст депутатов, ссылки на официальные и неформальные информационные ресурсы округа в интернете. Так как одним из принципов практик вовлечения, в частности соучаствующего проектирования, является прозрачная информационная кампания, автор использовал поиск в интернет-ресурсах анонсов о проектных семинарах по ключевым словам в качестве инструмента сбора сведений о наличии или отсутствии соучастия в округе. С помощью регрессионного анализа автору удалось подтвердить две гипотезы из трех: с возрастанием доли депутатов, выдвинутых условно демократическими силами, росла и вероятность встретить в округе соучаствующее проектирование, а с ростом среднего возраста депутатов в совете эта вероятность снижалась. Партийная принадлежность главы совета не показала значимого эффекта.

Ключевые слова: практики вовлечения; соучаствующее проектирование; муниципальный округ; муниципальный совет; Санкт-Петербург

Цитирование: Дмитриева А. Е. (2023) Хороший двор начинается с совета: как соучаствующее проектирование

которые горожане сами выделяют как приоритетные. Помимо соучастия в принятии бюджета появляются практики соучастия в проектировании городского пространства. Так, например, после падения Берлинской стены соучаствующее проектирование применяли для переосмысления освободившихся от ограждения территорий [Щукин, 2018]. Сегодня некоторые механизмы соучастия уже входят в программные документы: соучаствующее проектирование, например, включено в руководство по городскому устойчивому развитию для муниципалитетов, подготовленное Программой ООН по населенным пунктам [UN-HABITAT, 2007]. В то же время в России, где все еще распространено отношение к соучающему проектированию как к эксперименту, обязательное вовлечение горожан в проекты благоустройства уже прописано в паспорте программы «Жилье и городская среда» Министерства строительства РФ [Минстрой России, 2018].

Под соучающим проектированием понимают «процесс проектирования с вовлечением жителей, местных сообществ, активистов, представителей административных структур, локального бизнеса, инвесторов, представителей экспертного сообщества и других заинтересованных в проекте сторон для совместного определения целей и задач развития территории, выявления истинных проблем и потребностей людей, совместного принятия решений, разрешения конфликтов и повышения эффективности проекта» [Санюф, 2015, с. 5]. В отличие от устоявшихся широко используемых институтов гражданского участия, например публичных слушаний, где происходит сбор мнений по уже подготовленному проекту, соучающее проектирование предполагает вовлечение во все этапы подготовки проекта. Это и совместная разработка общей идеи планировки и благоустройства участка, формулировка функций, которые проект должен выполнять, ценностей, которые важно сохранить, и проблем, которые важно решить, и совместная доработка предварительных концепций, и корректировка финального проекта; нередко жители также могут выбрать общественный участок земли, на котором будет реализован проект и который наилучшим образом соответствует их требованиям и нуждам.

Институт развития городов Башкортостана предлагает разделять развитие российской практики вовлечения в проектирование на три периода. Это зарождение и первые эксперименты с вовлечением в 2000-х годах, появление проектных бюро и специалистов по вовлечению, создание первых крупных проектов в 2010-х и попадание соучающего проектирования общественных пространств в федеральную повестку в 2015–2020-е годы [ИРГБ, 2021]. Период первого опыта вовлечения связывают с такими именами, как В. Л. Глазычев, К. В. Кияненко, С. Малахов, Е. Репина, и другими поздними и постсоветскими исследователями и практиками человекоцентричного преобразования городской среды. Нередко в качестве отправной точки отмечается экспедиция В. Л. Глазычева «Глубинная Россия», по окончании которой он написал книгу о жизни и устройстве малых городов России. Помимо культурологических заметок о городах, автор также отмечает свои наблюдения о трудностях взаимодействия местного гражданского общества с администрациями, рассуждает о том, как можно было бы наладить их диалог и как бы это помогло развитию городской среды [Глазычев, 2005]. А в 2000-е художник Николай Полисский и его коллеги переезжают в деревню Никола-Ленивец в Калужской области и случайно открывают для себя вовлечение: после того как они начали лепить снеговиков в поле, к ним присоединились многие жители деревни; так родился проект «Снеговики», который художники и местные жители повторяли из года в год [Никола-Ленивец, 2018]. Сегодня Никола-Ленивец стал самым крупным ленд-арт-парком Европы – художники, местные ремесленники и жители делают инсталляции и вписывают их в ландшафт, из года в год меняя среду вокруг себя.

И опыт первых постсоветских урбанистов, и эксперименты в Никола-Ленивце внесли идею совместной работы над преобразованием среды с местными жителями в обсуждение на архитектурных и художественных конференциях. Спустя годы в России появляются первые проектные бюро, которые ищут пути вписать соучастие в свою регулярную работу. Так, например, возникла «Проектная группа 8», запустившая первые проекты с соучаствующим проектированием в Вологде в 2011–2012 годах. Одним из первых вологодских проектов стал проект «Активация», в рамках которого по всему городу совместно с жителями, представителями органов власти и инвесторами команда архитекторов спроектировала пять мультифункциональных общественных пространств [Снигирева, 2014, с. 63]. В тот же период появляется такое направление, как «городской консалтинг», пионерами в котором можно назвать конструкторское бюро «Стрелка», созданное в 2013 году. Одним из их основных направлений работы стали социальные исследования, консультирование проектировщиков общественных пространств, чтобы те были разработаны исходя из нужд потенциальных пользователей. Наконец, в те же годы первых специалистов, владеющих инструментами вовлечения и понимающих их, начали выпускать Высшая школа урбанистики имени А. А. Высоковского и Московская высшая школа социальных и экономических наук.

Активная работа появившихся бюро и исследовательских центров, интерес активистских групп к урбанистике, городской среде и качественным общественным пространствам были замечены на федеральном правительственном уровне. В 2018 году Министерство строительства РФ публикует национальный проект «Жилье и городская среда», в который включено вовлечение: в документ вписан критерий «создание механизма прямого участия граждан в формировании комфортной городской среды» и установлена доля в 30% для жителей, которых необходимо вовлечь [Минстрой России, 2018]. В том же 2018 году был запущен федеральный конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды. Наконец, в 2020 году Агентство стратегических инициатив и Министерство строительства разработали стандарт вовлечения с подробными рекомендациями по проведению соучаствующего проектирования и других форматов вовлечения в решение вопросов благоустройства (рейтинговое голосование,

городские квесты и прогулки и пр.) [АСИ, 2020].

Суммируя около двух десятилетий российского опыта применения соучастия в проектировании, можно выделить пять типов ситуаций, когда мы сталкиваемся с этой практикой:

1. Когда муниципалитеты участвуют в программе «Формирование комфортной городской среды» (далее – ФКГС), в частности, готовятся к Всероссийскому конкурсу лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях. В этих случаях вовлечение жителей в разработку проекта общественных пространств является обязательным при оценке проектов экспертами. Зачастую благоустройство небольших пространств в маленьких поселениях, обустройстваемых за субсидию по ФКГС, обходится вовлечением в виде общественных слушаний, регионального голосования, онлайн-опроса. Регионы с сильными центрами компетенций могут себе позволить более глубокое вовлечение, организацию проектных семинаров для таких маленьких проектов. Для победы во Всероссийском конкурсе предпроектное исследование, соучаствующее проектирование и дополнительные разнообразные форматы вовлечения заинтересованных групп жителей необходимы.
2. Когда конкретный муниципалитет устраивает локальный эксперимент. Так, например, произошло в Санкт-Петербурге. Комитет финансов в 2016 году организовал удачный проект инициативного бюджетирования «Твой бюджет», а в 2020 году Комитет по благоустройству решил применить вовлечение и в проектировании, запустив проект «Твой город». Также известен случай организации правительством города международного ландшафтного конкурса с соучаствующим проектированием парка «Тучков буян» в Петроградском районе.
3. Когда в дело вступают прогрессивные девелоперские компании. Медленными темпами появляются примеры использования соучаствующего проектирования специалистами компаний-застройщиков: с дольщиками разрабатываются проекты внутренних дворов, с жителями соседствующих жилых комплексов обсуждается будущий соседский центр. В 2022 году так был возведен и сдан

- в эксплуатацию центр впечатлений SCANDI на площади Туве Янссон в Новой Москве. Концепция была разработана специалистами ГК «А101» и активными жителями ЖК «Скандинавия».
4. Соучаствующее проектирование может проводиться по инициативе городских активистов при поддержке местных администраций. В 2017 году группа активистов провела исследование набережной реки Карповки, выявила запрос жителей на реорганизацию территории и с практически готовым проектным предложением пришла в администрацию Петроградского района. Сессии соучаствующего проектирования помогли сформулировать и воплотить проект современного общественного пространства, создать соседское сообщество «Друзья Карповки».
 5. Наконец, соучаствующее проектирование может применяться как новая практика на уровне местного самоуправления. Для меня особенно интересны примеры городов федерального значения, где город разделен на районы, а районы – на еще меньшие единицы, муниципальные округа, со своими администрациями и советами. Муниципальные депутаты в таких округах имеют крайне ограниченные полномочия. В целом задачи не выходят за рамки принятия бюджетного плана, проведения депутатских приемов, выпуска газеты. Однако в настоящее время в некоторых муниципальных образованиях появляются свои экспериментальные форматы: соседские фестивали, районные шеринг-ярмарки, соучаствующее проектирование дворов. Кто-то ищет более эффективный способ выполнять свои полномочия, кто-то поддерживает идею соседских сообществ – причины для появления соучастия на уровне МСУ могут быть разные.

В центре внимания этой статьи – пятый тип истории, рассмотренный в контексте Санкт-Петербурга. Как город федерального значения Петербург поделен на районы, а те – на 111 муниципальных округов. В каждом из округов есть своя муниципальная администрация и совет, поддерживающие состояние муниципальных территорий по мере своих крайне ограниченных полномочий и ресурсов. Однако в условиях этой ограниченности в 2020-е годы в разных муниципальных округах стали появляться новые практики управления округом и практики добросо-

седства: соучаствующее проектирование дворов или общественных пространств, соседские фестивали и ярмарки, тактический урбанизм.

Но почему, имея большие ограничения и в полномочиях, и в бюджете, некоторые муниципальные округа проявили инициативу и запустили подобные соседские практики, в частности соучаствующее проектирование? Ключевое предположение этой статьи строится вокруг муниципальных выборов 2019 года в Санкт-Петербурге. После этих выборов многие муниципальные советы заметно изменились в составе, пополнившись депутатами новой волны. Это было особенно заметно в муниципальных округах центра города. Так, например, Владимирский округ получил значительно обновленный муниципальный совет, состоящий из самовыдвиженцев, не сталкивавшихся с политикой на практике до этого, но занимавшихся социальным предпринимательством или активизмом, членов партии «Яблоко» и членов партии «Справедливая Россия». Однако контекст любого города, в том числе Санкт-Петербурга со своей своеобразной структурой местного самоуправления, не будет полностью раскрыт, если рассматривать его без связи с режимом управления федерального уровня.

Теоретический обзор и вывод гипотез

Практики соучастия в государственном управлении и местном самоуправлении зачастую относят к более широкому понятию демократических инноваций. Под демократическими инновациями имеются в виду процессы, практики или институты, новые для органов власти, организаций и пр., ответственных за принятие и воплощение решений, направленных на углубление роли жителей в процессах управления (*governance*) с помощью расширения возможностей для их участия, делиберации и влияния [Elstub, 2019, p. 11]. Это комплексное понятие развивалось под влиянием моделей партисипаторной и делиберативной демократий.

Обе демократические модели возникли во второй половине XX века как реакция на все более осязаемое неравенство прав граждан и ограничение возможности влиять на принимаемые властями решения. В 1960-х годах в США расцвело движение «Студенты за демократическое общество» (*Students for a Democratic Society or SDS*), активно продвигавшее идею партисипа-

торной демократии. Они не были изобретателями самих принципов консенсусного решения, инклюзивности, всего того, что лежит в основе партисипаторной модели, но их активная декларация этих идей в болезненное для значительной части американского общества время войны во Вьетнаме стала одним из сильных толчков для развития партисипаторной демократии как теоретической концепции. Призывая правительство своей страны выйти из войны, группа так называемых радикальных демократов распространяла и идеи механизмов, через которые население могло бы делиться своим мнением, напрямую влиять на будущие решения. В теоретической литературе появляются типологии гражданского участия: Шерри Арнштейн и ее лестница гражданского участия возникла как раз на пике активности студенческого демократического движения и дружественных им активистских сообществ. В этой работе я определяю партисипаторную демократию как модель, базирующуюся на прямом участии жителей в обсуждении и принятии решений в тех сферах, которые непосредственно влияют на их качество жизни. Нередко идею делиберативной демократии, возникшую в 80-х годах в трудах Ю. Хабермаса, Д. Ролза и др., представляют как критику партисипаторной модели, но с другой стороны, делиберативную модель можно назвать ее смысловым продолжением. Я придерживаюсь второй позиции и считаю, что обе модели не противоречат друг другу, наоборот, включают множество общих элементов. Самое главное – и делиберативная, и партисипаторная модели предполагают непосредственное участие граждан в процессе принятия управленческих решений. Ключевая разница в том, на чем в моделях фокусируют внимание: партисипаторная демократия акцентирует внимание на обеспечении полного равенства и инклюзивности, а делиберативная – на проблеме знания, взвешивания и разумного решения.

Интересно, что эта разница до сих пор вызывает обсуждения среди практиков о том, что же для соучастия важнее: акцент на полном равенстве и доступности или на повышении осведомленности участников и их глубококом, взвешенном решении? Демократические инновации, отмечают в литературе, движутся в двух конфликтующих направлениях: одни стремятся расширить инклюзивность, а другие – повысить «вдумчивость» (*thoughtfulness*) [Elstubb, 2019, p. 17]. На практике это выливается в две

проблемы. Если внимание уделяется лишь инклюзивности без должного фокуса на обучении и повышении грамотности, обсуждения перерастают в сложно регулируемые конфликты. С другой стороны, при организации практик соучастия с акцентом на взвешивании, с организацией образовательных сессий для жителей, нередко возникает демотивация участников, столкновение житейского опыта с суровой реальностью бюрократии и нормативных актов, когда оказывается, что многие желания юридически или бюджетно нереализуемы.

Практики соучастия, однако, при реализации в России сталкиваются с противоречивой ситуацией. С одной стороны, правительство приглашает общественность к обсуждению насущных проблем, с другой стороны, тщательно контролирует темы, которые доступны для общественного обсуждения [Owen, Bindman, 2017, p. 100]. В качестве примера можно вспомнить историю парка «Тучков буян» в Санкт-Петербурге. Архитектурный и дизайн-проект большого парка в Петроградском районе формировались на сессиях соучаствующего проектирования с местными жителями, на основе выводов с проектировочных сессий составлялось техническое задание для архитекторов. Был объявлен международный конкурс, где архитекторы из разных стран готовили свои предложения, пытались сформировать их как можно ближе к общественному техническому заданию. Соучаствующее проектирование «Тучкова буяна» могло бы стать красивой и запоминающейся историей о вовлечении жителей и формировании неравнодушного сообщества в большом городе. Однако в январе 2022 года от концепции парка решили отказаться: федеральное правительство вновь думает о возведении на территории судебного квартала, против которого выступали местные градозащитники [Лурье, Элькина, 2022]. Таким образом, пример парка иллюстрирует, как создавалась возможность участия и как результат этого участия при случае был проигнорирован.

Зачем внедрять партисипаторные практики? Одно из наиболее распространенных объяснений заключается в поддержке легитимности институтов исполнительной власти [Maerz, 2019, p. 6]. В случае России можно предположить, что Москва и Санкт-Петербург обладают флагманскими проектами, отчасти имитирующими партисипаторные практики («Активный гражданин» в случае Москвы и сегодняшний «Твой

бюджет» в случае Петербурга) не только потому, что это два богатых ресурсами города, не испытывающих недостатка в профильных специалистах и обладающих неограниченным доступом к экспертной поддержке. Так как федеральный центр требует в основном лояльности и результатов от глав регионов, а мегаполисы наиболее уязвимы в плане предоставления результатов абсолютной поддержки [Busyugina, 2017], для крупных городов введение партисипаторных практик может быть удобным способом выведения энергии и несогласия в безопасные карманы активности.

У районных уровней есть своя причина поддерживать введение партисипаторных практик – это появление нового источника финансирования. Участники проекта «Твой бюджет» в Санкт-Петербурге отмечают, что с каждым годом все больше бюджетных образовательных учреждений от разных районов участвуют в конкурсе [Гавриэлова, 2021]. Их инициативы касаются не общих городских территорий, как по идее и должно быть, а, например, укомплектовки какого-то школьного кабинета современными компьютерами. Таким образом, инициативное бюджетирование становится соревнованием не инициатив активных горожан между собой, а горожан с районными администрациями, которые хотят сократить расходы по своим обязательствам за счет конкурсного финансирования.

В 2019 году после муниципальных выборов в Санкт-Петербурге состав муниципальных советов значительно изменился, получив примерно на 15% избранных, не связанных с партией власти, больше по сравнению с предыдущим созывом. В этом же году и до событий февраля 2022 года в муниципальных округах можно было наблюдать случаи использования соучаствующего проектирования дворов и общественных пространств, а также других практик вовлечения. Эти поствыборные перемены привели меня к вопросу: влияет ли состав муниципального совета на появление в муниципальном образовании практики соучаствующего проектирования? На примере Санкт-Петербурга я проверила три гипотезы:

H1: чем больше в совете муниципальных депутатов, не связанных непосредственно с правящей партией, тем выше вероятность использования в округе соучаствующего проектирования.

H2: если главой совета является депутат, непосредственно не связанный с правящей партией, то вероятность использования соучаствующего проектирования выше.

H3: чем ниже средний возраст депутатов муниципального совета, тем вероятнее появление в нем соучаствующего проектирования.

В исследовании муниципальных округов Чехии Х. Хуртикова и М. Соукоп оценивали наличие или отсутствие связи между «политическими переменными» и использованием партисипаторных практик и практик электронного участия. Под политическими переменными исследователи подразумевают такие данные, как количество партий, представленных в совете (фрагментированность совета), был ли избран новый глава или предыдущий глава совета переизбран на новый срок и т. д., при этом авторы отмечают, что не акцентировали внимания на идеологических различиях партий [Hurtíková, Soukop, 2019]. Гипотезы 1 и 2 были вдохновлены исследованиями чешского опыта и применены в этой статье, но скорректированы с учетом идеологических различий кандидатов. Результаты проверки этих двух гипотез могут не только показать наличие или отсутствие корреляции между высокой долей условно демократических депутатов и наличием опыта соучаствующего проектирования в округе. Они также могут подсказать, на верном ли пути я нахожусь, предполагая, что практики соучастия на уровне МСУ в Петербурге можно в принципе воспринимать как демократические управленческие инновации. В случае если никакой значительной корреляции наблюдаться не будет, можно предположить, что мы имеем дело с механизмами увода активности горожан в безопасное и полностью контролируемое русло, описываемыми Кэтрин Оуэн. Последняя гипотеза 3 исходит из феномена геронтократии. Недавние исследования показывают взаимосвязь между высоким средним возрастом политических элит и низким экономическим развитием стран, отсутствием институциональных инноваций [Atella, Carbonari, 2017]. Таким образом, я предполагаю, что появление соучаствующего проектирования в муниципальных советах с высоким средним возрастом будет менее вероятно, чем в более «молодых» советах.

О сборе базы данных

Для проверки выдвинутых гипотез была собрана база данных по 111 муниципальным советам Санкт-Петербурга. База данных представляет собой общую (именную) базу и преобразованную рабочую (анонимную) базу, использованную для дальнейшего анализа. Информация о муниципальных советах и их депутатах бралась с официальных сайтов МО и портала ЗАКС.Муниципал. Именная база данных включает в себя следующую информацию:

- названия муниципальных образований и в состав каких районов города они входят;
- базовые характеристики муниципального совета на момент выборов муниципальных депутатов 2019 года (численность муниципального образования, явка на выборы, бюджет на 2019 год);
- полный поименный состав муниципальных депутатов, избранных в каждый совет в 2019 году;
- данные о партийной принадлежности избранного в 2019 году главы муниципального совета;
- данные о партийной принадлежности избранных в 2019 году депутатов муниципального совета;
- даты рождения, места рождения и места работы на момент избрания муниципальных депутатов;
- факт поддержки кандидата проектом «Объединенные демократы»;
- ссылки на официальные сайты муниципальных образований;
- ссылки на официальные сообщества муниципальных образований в социальной сети «ВКонтакте» (включая группы отдельных депутатов или депутатских фракций);
- ссылки на неформальные сообщества (добрососедские группы, сообщества жителей округа и пр.).

Часть данных была собрана для возможных дальнейших исследований, часть преобразована и включена в «анонимную» рабочую базу, состоящую из:

- указания партийной принадлежности главы муниципального совета;
- общего количества муниципальных депутатов в каждом совете, избранных в 2019 году;
- доли муниципальных депутатов от общего количества депутатов в совете, принадлежащих к группе условно про-

властных, неопределенных и условно демократических сил;

- отметок о наличии или отсутствии практики соучаствующего проектирования в муниципальном совете.

Отдельное внимание необходимо уделить двум аспектам: тому, как происходило распределение муниципальных депутатов на три группы и как выставлялась отметка о практике соучаствующего проектирования в муниципальном совете.

Именная база, лежащая в основе рабочей анонимной базы, включала в себя указания партийной принадлежности или факта самовыдвижения того или иного депутата. К группе условно провластных муниципальных депутатов были отнесены депутаты, выдвинутые партией «Единая Россия», ЛДПР, а также самовыдвиженцы, факт принадлежности к фракции «Единой России» которых был обнаружен при дополнительной проверке. Дополнительная проверка заключалась в поиске информации о предыдущих выдвижениях депутата, проверки материалов СМИ с упоминанием имени депутата и т. п. Дополнительная проверка могла также выявить принадлежность депутата к условно демократической группе: на это, в частности, указывала принадлежность человека к сообществу районных активистов, поддержка кандидата проектом «Объединенные демократы», предыдущие избрания от партий «Яблоко» или «Справедливая Россия». Таким образом, в группу условно демократических депутатов вошли лица, выдвинутые партиями «Яблоко», «Справедливая Россия», Партия роста, а также ряд самовыдвиженцев. Наконец, в неопределенную группу вошли самовыдвиженцы с невыявленной позицией, а также представители КПРФ, партии «Родина», Партии социальной защиты, Трудовой партии России и партии «Коммунисты России».

Такое групповое деление, однако, может встретить справедливую критику. Например, можно оспорить включение представителей партии «Справедливая Россия» в группу условно демократических или включение представителей КПРФ в неопределенную группу. В случае «Справедливой России» я считаю выбранное решение обоснованным по двум причинам. Во-первых, в ранних исследованиях, посвященных анализу муниципальных выборов в Санкт-Петербурге, отмечают значительное отличие городского отделения «Справедливой России» от федерального уровня партии, подчер-

кивая, что петербургская «Справедливая Россия» «до недавнего времени составляла полноценную оппозицию» [Медведев, 2018, с. 81]. Во-вторых, именно представители «Справедливой России», «Яблока» и ряд самовыдвиженцев получали поддержку проекта «Объединенные демократы» на выборах 2019 года. На выборах в Законодательное собрание Санкт-Петербурга 2021 года кандидаты в депутаты, аффилированные с «Объединенными демократами» и победившие ранее на муниципальных выборах 2019 года, выдвигались в городской парламент от «Справедливой России» и «Яблока». В случае КПРФ и их попадания в неопределенную группу я считаю это компромиссным решением. С одной стороны, КПРФ нельзя отнести к группе, объединенной по признаку вероятной приверженности к демократическим ценностям. С другой стороны, КПРФ также нельзя полноценно отнести к условно провластной группе, так как коммунисты были поддержаны оппозиционным проектом «Умное голосование» на выборах 2019 года в ряде муниципальных округов.

Зависимая переменная, а именно выявление, применяется или не применяется практика соучаствующего проектирования в муниципальном округе, определялась с помощью поиска объявлений об этой практике в официальных онлайн-каналах связи этих округов (сайт, группы в соцсети «ВКонтакте») по ключевым словам. Набор ключевых слов был составлен исходя из сравнительного анализа объявлений о соучаствующем проектировании в тех округах, где о применении практики мне было заранее известно. В этих объявлениях использовались слова и словосочетания: соучаствующее проектирование, совместное проектирование, проектировочная сессия, сессия проектирования, проектный семинар, совместное обсуждение/решение, проект благоустройства. Порядок ключевых слов указан от более характерных для объявления о практике СП к менее характерным, но не исключающим того, что в объявлении говорится о СП. Далее был произведен поиск объявлений по официальным сайтам и сообществам муниципальных образований с использованием ключевых слов по очереди, применяя временной фильтр для объявлений с 2019 по 2022 год, чтобы охватить настоящий созыв. Получившаяся выборка объявлений далее вручную фильтровалась следующим образом. Объявления исключались, если речь шла:

- 1) о публичных слушаниях по вопросу уже готового проекта;
- 2) о соучаствующем проектировании, организованном районными администрациями, а не муниципальными советами, в рамках подготовки к участию в программе «Формирование комфортной городской среды»;
- 3) о соучаствующем проектировании, организованном архитектурными бюро совместно с исследовательскими группами.

Второй и третий пункты также представляют собой практики соучаствующего проектирования, однако не связаны с низовой инициативой и муниципальными образованияами, а напрямую или косвенно относятся к конкурсу ФКГС, где применение СП входит в критерии оценки проекта. Таким образом, если после фильтрации объявлений у муниципального совета обнаруживалась практика СП, реализованная в промежуток с 2019 по 2022 год, муниципальному образованию присваивалась цифра 1, в случае отсутствия практики – 0. Важно отметить, что в фокусе данного исследования находится сама инициатива применения СП, поэтому поиск информации о том, был ли полученный проект реализован, не велся, как не оценивалась и методология проведения практики.

Проверка гипотез

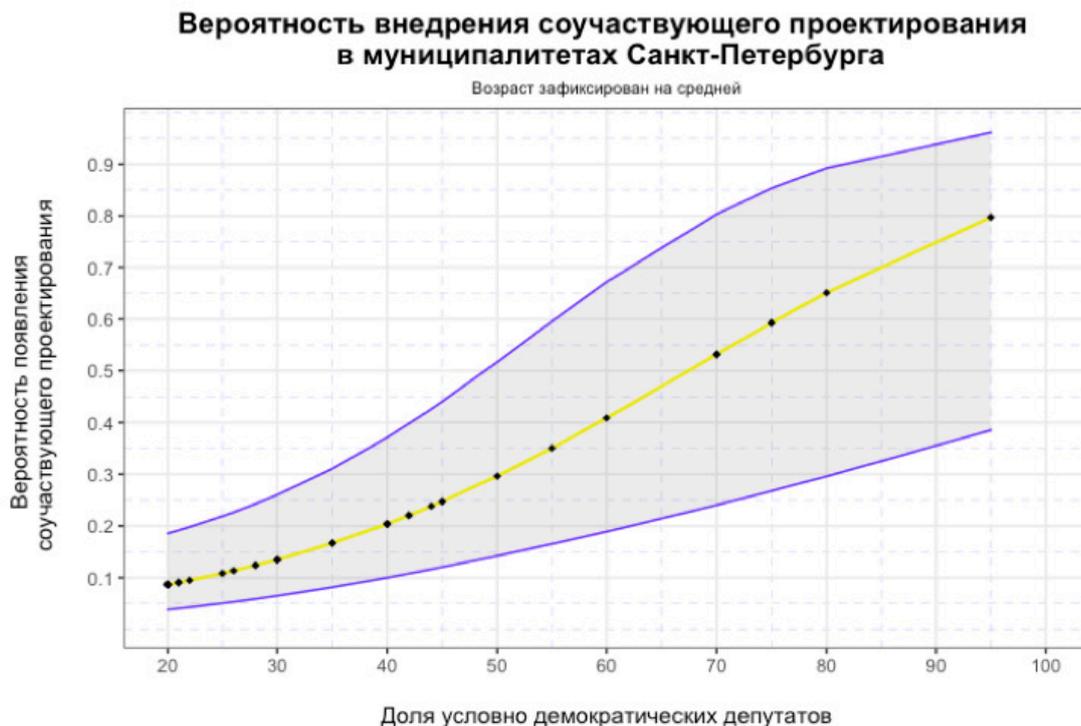
Для анализа собранных данных была построена логистическая модель с использованием программного обеспечения R Studio. Зависимой переменной является наличие или отсутствие практики соучаствующего проектирования, представленное в виде бинарного значения (1 – при наличии и 0 – при отсутствии).

Для выявления того, влияют ли такие характеристики муниципального совета, как партийная принадлежность депутатов, партийная принадлежность главы совета и средний возраст муниципальных депутатов в совете, на вероятность использования практики соучаствующего проектирования в муниципальном образовании, была построена обобщенная линейная регрессия (*generalised linear model, GLM*). Я установила биномиальный тип распределения, так как зависимая переменная представляет из себя два исхода – наличие или отсутствие опыта использования соучаствующего проектирования в МО. Всего для проверки было построено четыре модели, представленных в табл. 1.

Таблица 1. Результаты регрессионного анализа
Источник: составлено автором.

	<i>Dependent variable:</i>			
	Соучаствующее проектирование			
	(1)	(2)	(3)	(4)
Средний возраст	-0.259*** (0.078)	-0.272*** (0.080)	-0.286*** (0.086)	-0.299*** (0.095)
Кол-во усл. демократических депутатов	0.303*** (0.090)			
Доля усл. демократических депутатов		4.966*** (1.345)	5.694*** (1.854)	7.302*** (2.249)
Глава совета от КПРФ			-16.303 (2,636.925)	-14.775 (9,497.105)
Глава совета от ЛДПР			-13.865 (3,956.180)	-14.584 (6,522.639)
Глава совета от Партии роста			-1.194 (1.842)	-158.496 (41,765.260)
Глава совета – самовыдвиженец (гос.)			-1.348 (1.716)	1.788 (1.855)
Глава совета – самовыдвиженец (дем.)			1.444 (1.624)	-104.233 (28,054.930)
Глава совета от «Справедливой России»			-1.159 (1.643)	121.874 (25,312.500)
Глава совета от «Яблока»			16.012 (2,691.492)	21.036 (23,517.710)
Доля * глава совета от КПРФ				-9.754 (36,897.620)
Доля * глава совета от ЛДПР				
Доля * глава совета от Партии роста				231.974 (61,496.030)
Доля * глава совета – самовыдвиженец (гос.)				-8.849* (5.236)
Доля * глава совета – самовыдвиженец (дем.)				293.063 (76,870.030)
Доля * глава совета от «Справедливой России»				-151.196 (31,954.230)
Доля * глава совета от «Яблока»				-7.840 (36,897.620)
Constant	9.787*** (3.640)	10.264*** (3.695)	10.812*** (3.891)	11.075*** (4.242)
Observations	111	111	111	111
Log Likelihood	-32.169	-32.467	-30.283	-25.357
Akaike Inf. Crit.	70.338	70.934	80.566	82.714
Note:	*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01			

Рис. 1. График зависимости вероятности появления СП от доли условно демократических депутатов в совете
 Источник: составлено на основе данных автора.

Первая модель отличается от последующих тем, что условно демократические депутаты в ней выражены в количестве подобных депутатов в совете, а не в доле. Однако, например, 3 муниципальных депутата в совете из 10 и в совете из 20 человек – это большая разница. Так как муниципальные советы в Санкт-Петербурге различаются по размеру, была построена вторая модель, берущая это в расчет. Во второй модели условно демократические депутаты выражены в виде доли, которую они составляют от своего совета. В обеих моделях обе переменные (средний возраст, условно демократические депутаты) оказались статистически важными, а значения функции правдоподобия и информационного критерия Акаике отличаются незначительно, поэтому я считаю вторую модель лучше из-за ее чувствительности к размеру совета. Вдобавок стоит отметить, что показатель среднего возраста имеет негативный коэффициент. Это означает, что вероятность использования соучаствующего проектирования в муниципальном образовании выше, когда средний возраст муниципального совета ниже. Показатель доли условно демократических депутатов имеет положительный коэффициент: чем выше доля, тем выше вероятность использования СП. И тот и другой показатели имеют уровень значимости p -value менее 0.01.

Модели 3 и 4 позволяют оценить роль главы совета. Если в третьей модели партийная принадлежность главы рассматрива-

ется как отдельная независимая переменная, то четвертая – модель с интеракцией. В целом партийная принадлежность главы не показывает какого-либо значимого эффекта. В модели с интеракцией знак значимости появляется у главы совета, шедшего на выборах самовыдвиженцем, но связанным с партией власти (состоял или состоит, ранее избирался от ЕР и т. п.). Интерпретировать полученный результат можно так: в советах, где выше доля условно демократических депутатов и ниже средний возраст, вероятность использования соучаствующего проектирования выше, но, если главой оказывается провластный самовыдвиженец, эта вероятность снижается. Значение p -value < 0.1 достаточно велико, чтобы мы могли принять третью гипотезу и доверять этой интерпретации, но результат определенно интересен и может быть шагом к последующим качественным изучением подобных советов.

Далее я визуализирую связь статистически значимых переменных и вероятности использования соучаствующего проектирования в муниципалитетах. Рис. 1 показывает связь доли условно демократических муниципальных депутатов и вероятности увидеть в округе соучаствующее проектирование. При росте доли демократически настроенных депутатов в совете растут и шансы появления практик соучастия.

Связь среднего возраста депутатов в муниципальном совете и вероятности

Рис. 2. График зависимости вероятности появления СП от среднего возраста депутатов в совете
 Источник: составлено на основе данных автора.

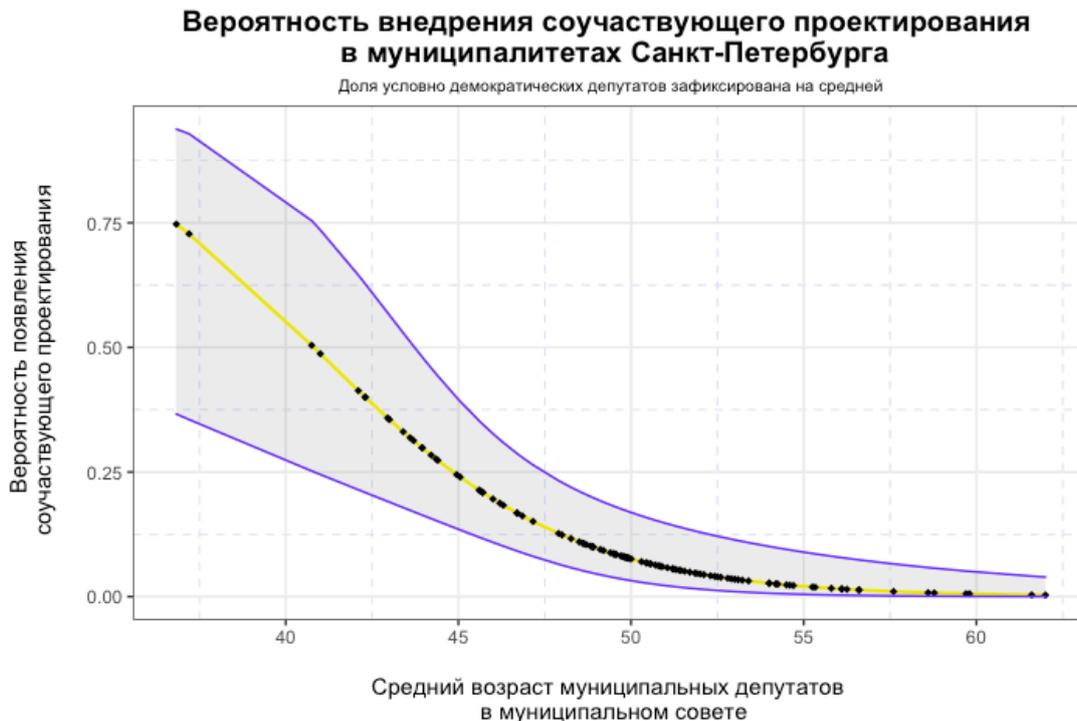
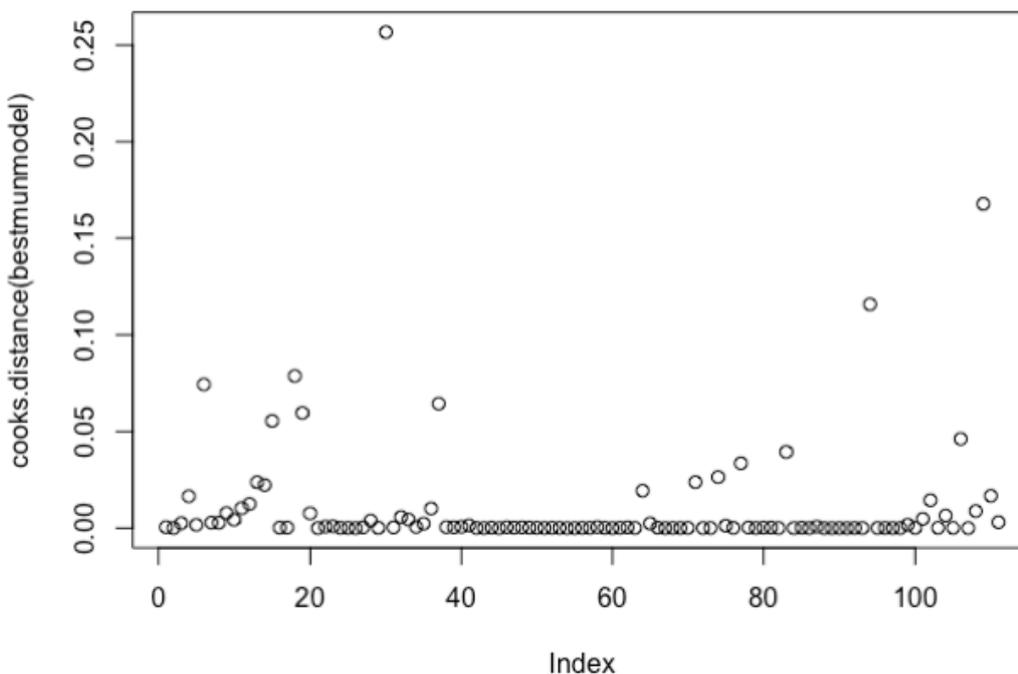

Рис. 3. Дистанция Кука
 Источник: составлено на основе данных автора.

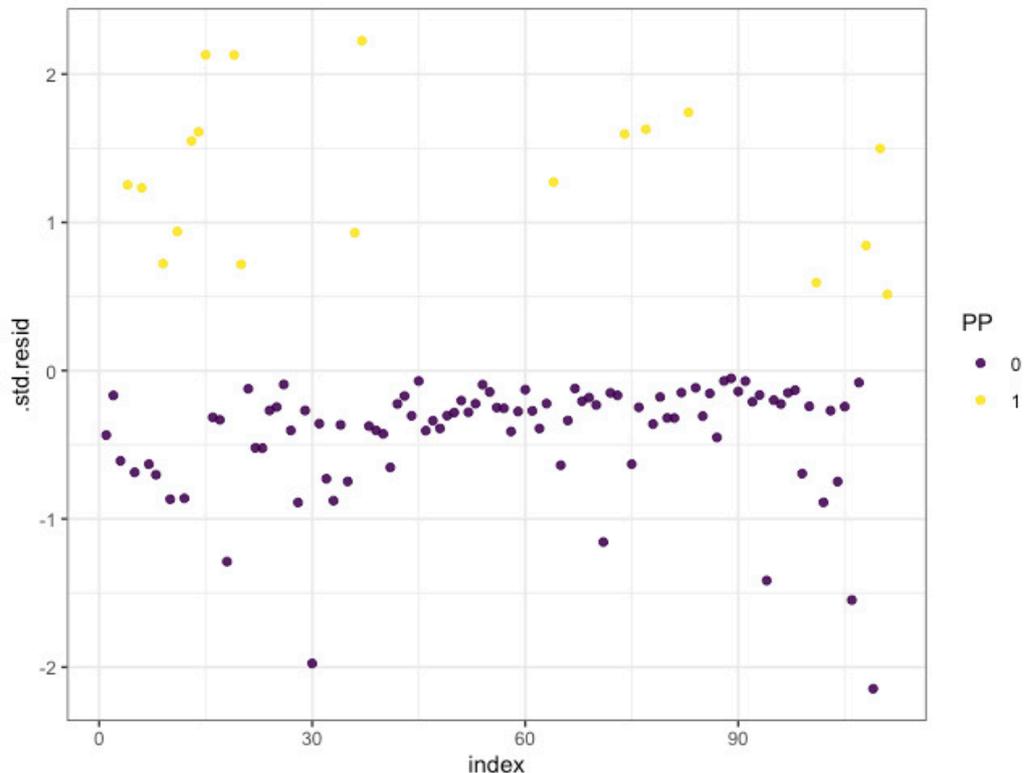

появления практик СП в муниципальном образовании отражена на рис. 2. На нем видно, как с увеличением среднего возраста значительно уменьшаются шансы на внедрение соучаствующего проектирования.

Наконец, важно отметить, что рабочая модель (с переменными «средний возраст» и «доля условно демократических депутатов») была проверена на присутствие влиятельных наблюдений.

График с изображением дистанции Кука показывает некоторые значения, которые отличаются от остальных. Существует дискуссия о том, какой порог выставлять для интерпретации: популярными значениями являются $CD < 1$ и $CD < 4/n$, где n – это количество наблюдений. Ни одно из значений на графике не превышает единицу (рис. 3), но в случае выбора более строгого порога возникает необходимость в дополнительной про-

Рис. 4. График распределения стандартизированных остатков
Источник: составлено на основе данных автора.

верке модели на выбросы и влиятельные наблюдения.

График распределения стандартизированных остатков (рис. 4) не выявил ни одного значения больше 3. Это значит, что данные, на которых построена модель, не страдают проблемой влиятельных значений и не искажают результат.

Если не большой бюджет и не законодательная обязанность, то что мотивирует муниципальные советы использовать такую управленческую инновацию – соучаствующее проектирование? Основным предположением этой работы было то, что на появление соучаствующего проектирования влияют характеристики совета. Проще говоря, важны люди, которые в этот состав вошли. Отталкиваясь от понимания соучаствующего проектирования как демократической инновации, нацеленной на расширение и углубление возможностей участия граждан в принятии управленческих решений, которые непосредственно влияют на их качество жизни, я выдвинула гипотезу о том, что условно демократически настроенным депутатам будет более свойственно проявить инициативу и организовать соучастие в своем округе. Очевидно, что в условиях современной России нельзя точно определить приверженность условно демократическим ценностям: нужно учитывать и специфику региональных отделений партий, и быть знакомым со стратегиями выдвижений

в каждый электоральный сезон. Так, например, региональное отделение партии «Справедливая Россия» значительно отличается от федеральных эсеров и нередко становится площадкой для безопасного выдвижения петербургских условно демократических активистов на выборах. Также, например, стоит учитывать стратегию партии «Единая Россия», когда многие члены партии отказались на время выборов от партийного бренда и пошли в муниципальные депутаты самовыдвиженцами. Такие нюансы я учитывала при сборе и обработке данных. Как итог, первая гипотеза о взаимосвязи доли условно демократических депутатов и использования в округе СП подтвердилась.

Была выдвинута также вторая гипотеза о связи использования СП с партийной принадлежностью главы совета – это предположение в целом не подтвердилось. Был обнаружен некоторый эффект в интерактивной модели, который оказывает глава-самовыдвиженец, ассоциирующийся с партией власти, на советы с более высокой долей условно демократических депутатов и использование соучастия. Однако с учетом достаточно высокого значения p-value и небольшого количества наблюдений я считаю некорректным заявлять о подтверждении гипотезы. Одно из возможных объяснений, почему гипотеза о главе не подтвердилась, заключается в разном характере использования практики в окру-

гах – где-то она носит разовый экспериментальный характер, а в некоторых округах используется достаточно регулярно. Также важно отметить нормативный статус СП – его нет. Соучаствующее проектирование в настоящее время – это не право и не обязанность муниципального совета, а скорее инициатива, она не противоречит закону о местном самоуправлении и, самое главное, ее разовое использование не всегда утверждают на собрании совета. Муниципальным депутатам, вероятно, не нужно согласие главы, если соучаствующее проектирование воспринимается ими как добровольная организация встреч с жителями помимо своих основных обязанностей.

Наконец, было выдвинуто предположение о влиянии среднего возраста муниципальных депутатов на использование соучаствующего проектирования в округе – эта гипотеза подтвердилась. При этом важно отметить, что выбранная переменная – средний возраст – не позволяет понять, что важнее: чтобы совет был равномерно «молод» или чтобы в совете присутствовала группа очень молодых муниципальных депутатов, которая инициирует соучастие и которая своим наличием снижает общий средний возраст совета. Из моего опыта в работе с муниципальными образованиями можно сказать, что есть истории об использовании СП в округах и того и другого типа.

Заключение

Сегодня практики вовлечения отражаются как обязательные элементы в программных документах разных стран, включая Россию. Не встает вопрос и о том, как проводить вовлечение, – это не создание чего-то с нуля; в России наработано немало методических материалов и рекомендаций от активистов, проектных бюро, НКО и комитетов, переводятся книги.

Другое дело – применить эти наработки на практике. Распространению соучаствующего проектирования в России поспособствовало и включение вовлечения в национальный проект «Жилье и городская среда», и создание Всероссийского конкурса малых городов и исторических поселений, где вовлечение стало одним из важнейших критериев отбора конкурсных заявок. В этом конкурсе участвуют междисциплинарные команды, для продуцирования архитектурных решений приглашаются проектные бюро, эти крупные городские проекты становятся предметом

исследования. Но есть и низовые практики, когда соучаствующее проектирование организовывается общественными деятелями, инициативными группами в отдельном районе города. В случае городов федерального значения, чьи районы поделены на муниципальные образования, соучастие может появиться на уровне муниципального округа. Бюджетные возможности муниципальных округов не позволяют нанять архитектурное бюро, команду социологов или антропологов, которые помогли бы с полноценным предпроектным исследованием и организацией вовлечения. Полномочия муниципального депутата не обязывают проводить соучаствующее проектирование, поправка в 131-й Федеральный закон наделила правом, а не обязанностью муниципальные советы работать с инициативами жителей. Тем не менее и на этом уровне местного самоуправления, самом маленьком и с самыми ограниченными возможностями, мы видим интерес к практикам вовлечения.

Муниципальные образования в городах федерального значения – объект малоизученный, но очень интересный. Вероятно, из-за малых (и постоянно сокращающихся) полномочий и ограниченных финансовых возможностей подобные муниципальные образования не так привлекательны для исследователей: непонятно, на что они могут влиять, а тогда что изучать? Основной мой интерес к муниципальным округам в городах федерального значения возник из работы в поле: из интервью для предыдущих исследований [Сунгуров, Дмитриева, 2023], из практической работы и методической поддержки тех муниципальных советов, которые хотели использовать практики вовлечения в своей работе. Если не большой бюджет и не законодательная обязанность, то сами люди, входящие в советы, их ценности и убеждения могут быть предиктором появления практик вовлечения в округе. В результате выборов 2019 года в управление округами вошли новые народные избранники, что позволило перезагрузить муниципальные советы. Так новизна, молодость и уникальный, часто не связанный ранее с муниципальной службой опыт заставили обновленные советы придумывать себе новые возможности и новые полномочия.

Однако трансформация разовых практик в постоянное устойчивое вовлечение жителей на местном уровне невозможно без доступной экспертной поддержки инициативных округов. Результаты этого ис-

следования могут быть практически полезны для экспертного сообщества – специалистов по вовлечению, групп социальных исследователей, проектировщиков, дизайнеров и архитекторов, владеющих инструментами, разделяющих ценность вовлечения и желающих продвигать партиципаторные и делиберативные подходы на локальном уровне. Анализ характеристик обновленных советов после муниципальных выборов может помочь выявить те округа, которые будут наиболее заинтересованы в совместных проектах и применении новых практик, вложение сил и времени в которые окупятся реализованными инициативами.

Источники

- АСИ и Минстрой разработали стандарт работы с жителями при благоустройстве городов (2020) Агентство Стратегических Инициатив. Режим доступа: <https://asi.ru/news/124948/>.
- Гавриэлова А. (2021) Как бюджетники пилат «Твой бюджет» // MR-7.RU. Режим доступа: <https://mr-7.ru/articles/2021/07/02/kak-biudzhethniki-piliat-tvoi-biudzhet>.
- Глазычев В.Л. (2005) *Глубинная Россия: 2000–2002*. Москва: Новое издательство.
- История одной деревни* (2008) // nikola-lenivets.ru. Режим доступа: <https://nikola-lenivets.ru/history>.
- Лурье Л., Елькина М. (2022) «Тучков буян», или Почему Смольный не умеет радовать // Фонтанка.ру. Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/2022/01/14/70375697/>.
- Медведев М.С. (2018) Выборы в муниципальные советы Санкт-Петербурга: эффект применения электоральной формулы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. Том 14. № 1. С. 77–86.
- Национальный проект «Жильё и городская среда»* (2018) Минстрой России. Режим доступа: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnye-proekty/natsionalnyy-proekt-zhilye-i-gorodskaya-sreda/>.
- Санофф Г. (2015) Соучастующее проектирование: практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов. Казань: Проектная группа 8.
- Снигирева Н. (2014) Соучастующее проектирование обновляет город // Государственная служба. Том 90. № 4. С. 63–65.
- Соучастующее проектирование: определение, история, практика (2021) Институт развития городов Башкортостана. Режим доступа: <https://igrb.ru/participation>.
- Сунгуров А.Ю., Дмитриева А.Е. (2023) Общественное участие в деятельности власти: общественное и партиципаторное бюджетирование и соучастующее проектирование на уровне муниципалитетов Санкт-Петербурга // Вопросы государственного и муниципального управления. № 2. С. 103–125. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-2-103-125>.
- Щукин А. (2018) Как вовлечь жителей в проектирование городов // Expert.ru. Режим доступа: <https://expert.ru/expert/2018/40/kak-vovlech-zhitelej-v-proektirovanie-gorodov/>.
- Atella V., Carbonari L. (2017) Is Gerontocracy Harmful for Growth? A Comparative Study of Seven European Countries // Journal of Applied Economics. Vol. 20. No. 1. P. 141–168. [https://doi.org/10.1016/s1514-0326\(17\)30007-7](https://doi.org/10.1016/s1514-0326(17)30007-7).
- Busygina I. (2016) How does Russian Federalism Work? Looking at Internal Borders in the Russian Federation // Journal of Borderlands Studies. Vol. 32. No. 1. P. 105–119. <https://doi.org/10.1080/08865655.2016.1197790>.
- Elstub S., Escobar O. (2019) Defining and Typologising Democratic Innovations // Handbook of Democratic Innovation and Governance / S. Elstub, O. Escobar (eds.). Edward Elgar Publishing Inc. P. 11–31. <https://doi.org/10.4337/9781786433862.00009>.
- Hurtíková H., Soukop M. (2019) Participative and Deliberative Democracy on the Local Level: How the Political Characteristics of Municipalities in the Czech Republic Relate to the Use of Selected Democratic Innovation Within their Territory? // Lex Localis. Vol. 17. No. 2. P. 369–393. <https://doi.org/10.4335/17.2.369-393>.
- Inclusive and Sustainable Urban Planning: A Guide for Municipalities (2007) / S. Narang (ed.). Nairobi: UN-HABITAT (UNON Publishing Service Section). Available at: <https://unhabitat.org/sites/default/files/download-manager-files/A%20guide%20for%20Municipalities%20Inclusive%20and%20Sustainable%20Urban%20Development%20Planning%20%2C%20Volume%201.pdf>
- Maerz S.F. (2019) Simulating Pluralism: The Language of Democracy in Hegemonic Authoritarianism // Political Research Exchange. Vol. 1. No. 1. P. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1080/2474736x.2019.1605834>.
- Owen C., Bindman E. (2017) Civic Participation in a Hybrid regime: Limited Pluralism in Policymaking and Delivery in Contemporary Russia // Government and Opposition. Vol. 54. No. 1. P. 98–120. DOI: <https://doi.org/10.1017/gov.2017.13>.

**A GOOD YARD BEGINS WITH THE COUNCIL:
HOW PARTICIPATORY DESIGN ARISES IN
THE MUNICIPAL DISTRICTS OF ST.
PETERSBURG**

Alina Ye. Dmitrieva, Social researcher, urbanist, public relations specialist in spatial development projects; 123 emb. Griboedov Canal, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: ahdmitrieva@gmail.com

Abstract. This article analyzes the reasons for the emergence of the participatory design at the level of municipal districts in St. Petersburg. Why is this initiative being born despite a narrowing field of authority and a shrinking budget? The emergence of participatory practices in municipal districts may be influenced by the average age of council members and the values of the party or public association to which they and the head of the council belong. A database was compiled containing information about 111 municipal councils in St. Petersburg: the number of deputies in the councils who got there after the 2019 elections, their party affiliation, the subject of the nomination of the head of the council, the average age of deputies, links to official and informal media resources of the district. Since one of the principles of participatory practices, in particular participatory design, is a transparent information campaign, the author searched for announcements about co-design workshops in media resources using keywords as a tool for collecting information about the presence or absence of participatory design practice in the district. Using regression analysis, the author was able to confirm two out of three hypotheses: the higher the proportion of deputies nominated by conditionally democratic forces in the council, the higher the probability of participatory design emerging in the district, and the higher the average age of deputies in the council, the lower the probability to see participatory design was. The party affiliation of the head of the council had no significant effect.

Key words: engagement practices; participatory design; municipal district; municipal council; St. Petersburg

Citation: Dmitrieva A.E. (2023) A Good Yard Begins with the Council: How Participatory Design Arises in the Municipal Districts of St. Petersburg, *Urban Studies and Practices*, vol. 8, no 4, pp. 69–84.

DOI: <https://doi.org/10.17323/usp84202369-84> (in Russian)

References

- ASI i Minstroj razrabotali standart raboty s zhitelyami pri blagoustrojstve gorodov [ASI and the Ministry of Construction Have Developed a Standard for Working with Residents When Improving Cities]. (2020). *Agentstvo Strategicheskikh Initsiativ* [Agency for Strategic Initiatives]. Available at: <https://asi.ru/news/124948/>. (in Russian)
- Atella V., Carbonari L. (2017) Is Gerontocracy Harmful for Growth? A Comparative Study of Seven European Countries. *Journal of Applied Economics*, vol. 20, no 1, pp. 141–168. DOI: [https://doi.org/10.1016/s1514-0326\(17\)30007-7](https://doi.org/10.1016/s1514-0326(17)30007-7).
- Busygina I. (2016) How does Russian Federalism Work? Looking at Internal Borders in the Russian Federation. *Journal of Borderlands Studies*, vol. 32, no 1, pp. 105–119. DOI: <https://doi.org/10.1080/08865655.2016.1197790>.
- Elstub S., Escobar O. (2019) Defining and Typologising Democratic Innovations. Handbook of Democratic Innovation and Governance/S. Elstub, O. Escobar (eds.). Edward Elgar Publishing Inc. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781786433862.00009>.
- Gavriellova A. (2021) Kak byudzhetski pilyat «Tvoj byudzhët» [How State Employees Cut “Your Budget”]. *MR-7.RU*. Available at: <https://mr-7.ru/articles/2021/07/02/kak-biudzhetski-piliat-tvoi-biudzhët>. (in Russian)
- Glazychev V.L. (2005) Glubinnaya Rossiya: 2000–2002 [Deep Russia: 2000–2002]. *Novoe Izdatel'stvo* [New Publishing House]. (in Russian)
- Hurtiková H., Soukop M. (2019) Participative and Deliberative Democracy on the Local Level: How the Political Characteristics of Municipalities in the Czech Republic Relate to the Use of Selected Democratic Innovation Within their Territory? *Lex Localis*, vol. 17, no 2, pp. 369–393. DOI: <https://doi.org/10.4335/17.2.369-393>.
- Inclusive and Sustainable Urban Planning: A Guide for Municipalities (2007) S. Narang (ed.). Nairobi: UN-HABITAT (UNON Publishing Service Section). Available at: <https://unhabitat.org/sites/default/files/download-manager-files/A%20guide%20for%20Municipalities%20Inclusive%20and%20Sustainable%20Urban%20Development%20Planning%20%2C%20Volume%201.pdf>
- Istoriya odnoj derevni [The Story of One Village] (2008) nikola-lenivets.ru/. Available at: <https://nikola-lenivets.ru/history>. (in Russian)
- Lur'e L., El'kina M. (2022) “Tuchkov buyan”, ili Pochemu Smol'nyj ne umeet radovat' [“Tuchkov buyan” or Why Smolny Does Not Know How to Please]. *Fontanka.Ru* [“Tuchkov buyan” or Why Smolny Does Not Know How to Please]. Available at: <https://www.fontanka.ru/2022/01/14/70375697/>. (in Russian)
- Maerz S.F. (2019) Simulating Pluralism: The Language of Democracy in Hegemonic Authoritarianism. *Political Research Exchange*, vol. 1, no 1, pp. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1080/2474736x.2019.1605834>.
- Medvedev M.S. (2018) Vybory v municipal'nye sovety Ssankt-peterburga: effekt primeneniya elektoral'noj formuly [Elections to The Municipal Council of St. Petersburg: The Effect of Applying the Electoral Formula]. *Politeks*, no 1. (in Russian)
- Nacional'nyj proekt «zhil'yo Zhil'yo i gorodskaya sreda» [National Project “Housing And and Urban Environment”] (2018) *Minstroj Rossii* [Ministry of Construction of Russia]. Available at: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnye-proekty/natsionalnyy-proekt-zhilye-i-gorodskaya-sreda/>. (in Russian)
- Owen C., Bindman E. (2017) Civic Participation in a Hybrid regime: Limited Pluralism in Policymaking and Delivery in Contemporary Russia. *Government and Opposition*, vol. 54, no 1, pp. 98–120. DOI: <https://doi.org/10.1017/gov.2017.13>.
- Sanoff G. (2015) Souchastvuyushchee proektirovanie: praktiki obshchestvennogo uchastiya v formirovanii sredy bol'shih i malyh gorodov [Participatory Design: Practices of Public Participation in Shaping the Environment of Cities and Towns]. *Proektnaya grupa 8* [Project group 8]. (in Russian)
- Shchukin A. (2018) Kak vovlech' zhitelej v proektirovanie gorodov [How to Involve Residents in City Design]. *Expert.ru*. Available at: <https://expert.ru/expert/2018/40/kak-vovlech-zhitelej-v-proektirovanie-gorodov/>. (in Russian)

- Snigireva N. (2014) Souchastvuyushchee proektirovanie obnovlyaet gorod [Participatory Design Renews the City]. *Gosudarstvennaya Sluzhba* [Civil Service], no 4. (in Russian)
- Souchastvuyushchee proektirovanie: opredelenie, istoriya, praktika [Participatory Design: Definition, History, Practice] (2021). *Institut Razvitiya Gorodov Bashkortostana* [Institute for Urban Development of Bashkortostan]. Available at: <https://irgrb.ru/participation>.
- Sungurov A.Yu., Dmitrieva A.E. (2023) Obshchestvennoe uchastie v deyatel'nosti vlasti: obshchestvennoe i partisipatornoe byudzhetrovanie i souchastvuyushchee proektirovanie na urovne municipalitetov Sankt-Peterburga [Public Participation in Government Activities: Public and Participatory Budgeting and Participatory Design at the Level of Municipalities of St. Petersburg]. *Voprosy Gosudarstvennogo I Municipal'nogo Upravleniya* [Issues of State and Municipal Administration], vol. 2, pp. 103-125. DOI: <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-2-103-125>. (in Russian)